

УДК 321.01

Генезис государства как проблема социальной науки и философии

© Голубев С.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Исследуется одна из ключевых и наиболее дискуссионных тем современной социальной науки и философии – проблема происхождения государства. К анализу привлекается релевантный социологический, политантропологический и исторический материал. Дается характеристика сущности становящегося государства опирающаяся на новейшие результаты конкретно-эмпирического изучения социально-политической организации различных сообществ доколониальной Африки других предгосударственных и раннегосударственных образований первичной формации. Рассматриваются теоретические положения о природе государства преобладающие на сегодняшний день в политогенетических исследованиях. Подвергается критике представление о государстве как «аппарате насилия», орудии эксплуатации. Показывается ограниченность специально-научных методов изучения происхождения и сущности государства. Государство и необходимость разработки новых концептуальных подходов к его пониманию. Обосновывается тезис о том, что государство изначально имеет сакральное основание, а его происхождение есть не дискретное событие, а своего рода континуум. Показано также, что государство играет в целом положительную роль в социальной динамике, а его становление осуществляется на базе теснейшей взаимосвязи религиозно-культурной и политической сфер жизни общества.

Ключевые слова: институт управления, социальная организация, эксплуатация, сакральное государство, легитимность.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 135–142)

Genesis of the state as a problem of social science and philosophy

© Golubev S.V.

Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

One of the key and most discussed problem of modern social science and philosophy is studied – the problem of the origin of state. Relevant sociological, political and anthropological as well as historical material is considered in the analysis. The essence of the formation of state based on the latest results of definite empirical studies of social and political structure of different communities of pre-colonial Africa, of other pre-state and early state primary formations is characterized. Theoretical postulates of the nature of state, which prevail nowadays in political and genetic studies, are considered. The idea of state as “apparatus of violence”, a tool for exploitation is criticized. Restriction of special scientific methods of studies of the origin and essence of state is stated. State and the necessity for the development of new conceptual approaches to its understanding. The idea of state originally having sacral basis and its origin being not a discrete event but a kind of continuum is grounded. It is also shown that, on the whole, state plays positive role in social dynamics and its growth is based on most tight connection of religious and cult as well as political spheres of the life of the society.

Key words: institution of management, social structure, exploitation, sacral state, legitimacy.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 135–142)

Адрес для корреспонденции: e-mail: Vanya2010@list.ru – С.В. Голубев

Для современного состояния научных и философских исследований проблемы происхождения государства характерно отсутствие единого теоретико-методологического подхода к пониманию сущности этого феномена. Показательна в этом отношении оценка современных государствоведческих теорий данная Э. Гидденсом, утверждающим, что «Адекватная “теория” традиционных или современных государств не может походить на большинство теорий, господствующих в литературе наших дней» [1]. Более того, по словам того же авторитетного исследователя даже «термин “государство” является весьма неопределенным» [1, с. 342]. Такая теоретическая и терминологическая неопределенность естественным образом отрицательно сказывается на продуктивности как философского, так и конкретно-научного изучения проблемы генезиса государства. В связи с этим, цель настоящей статьи – критический анализ и философское осмысление релевантных результатов специально-научных, прежде всего, политантропологических и исторических исследований для того, чтобы способствовать прояснению понятия «государство» и формированию адекватных концептуально-теоретических представлений о его происхождении и сущности.

Результаты и их обсуждение. Говоря о конкретных результатах политантропологических исследований государственности, следует, прежде всего, отметить, что в политантропологии, не существует критериев различения догосударственной и государственной стадий общественного развития. Этот факт, в качестве одного из определяющих нынешнее состояние политантропологической науки, констатируется уже в «Предисловии» к сборнику «Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности». Там сказано: «Более 20 лет назад О.С. Томашевская в своей статье («Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале». – С.Г.), ставшей уже классической для отечественной

потестарно-политической этнографии (политической антропологии) констатировала отсутствие критериев определения того момента, с которого верховная власть и органы управления обществом приобретают качество государственных, и, соответственно, ставила перед исследователями как ближайшую задачу установление этих критериев. Однако и по сию пору эта, одна из самых дискуссионных политогенетических проблем не потеряла своей актуальности» [2]. Здесь надо сказать о том, что проблема критериев государственности вполне закономерно остается дискуссионной. По существу, она вообще не может быть разрешена исключительно в рамках политантропологии. Как известно, всякое научное исследование (и наблюдение в том числе) осуществляется в рамках определенной концептуальной схемы. В данном случае – это особенно важно, ибо дискуссия идет не столько о «факте», сколько о понятии: о том, что *считать* государством. Соответственно критерии государственности не могут быть *найжены* эмпирически, в результате описания различных сообществ, а могут быть лишь *установлены конвенционально* на базе логико-теоретического конструирования понятия и философского осмысления феномена государства. Эмпирические исследования могут только подтвердить или опровергнуть (прямо или косвенно) ту или иную концептуальную схему. Поскольку в социальной науке и философии нет концептуально-теоретического единства в понимании государства, постольку проблема «критериев государственности» не может не быть дискуссионной и в политантропологии.

Впрочем, бесперспективность таких «внутриполитантропологических» дискуссий похоже начинает осознаваться и самими политантропологами, подтверждением чего являются их суждения. Так,

Н.Н. Крадин, например, в специальной обзорной статье, посвященной проблемам политогенеза, пишет: «Проблема Критериев, отличающих догосударственные институты от государственных относится к разряду вечных [3]. Другой теоретик политантропологии Э.С. Годинер, начинает свою работу «Политическая антропология о происхождении государства» с утверждения, что «происхождение и природа государства – проблема из категории “вечных»» [4]. С этим мнением солидаризируется и П.Л. Белков, цитирующий высказывание Годинера в своей статье, посвященной поиску критериев государственности [5].

Указанная работа Годинера носит обзорный характер и заслуживает поэтому специального рассмотрения. Сказав о «вечности» проблемы происхождения государства, Годинер справедливо замечает, что «Государство в конечном итоге – это и есть специализированный институт управления обществом, необходимо возникающий на определенной стадии его эволюции» [4, с. 51]. Но далее она переходит к менее обоснованным утверждениям. По ее мнению: «насилие становится конститутивной чертой государства, а конфликт власти и народа – основным содержанием исторического процесса» [4, с. 51].

Характеризуя западную политантропологию, она сообщает, разделяя эту точку зрения, что «существует также согласие в том, что обмен услугами между управляющими и управляемыми в раннегосударственных обществах носил неэквивалентный характер: власть всегда брала себе больше, чем ей причиталось за выполнение ею организационных функций... Тем самым никто не оспаривает, что государство обнаруживает себя как институт эксплуатации (подчеркнуто нами. – С.Г.) большинства меньшинством» [4, с. 68–69]. Нам трудно судить о том, чем руководствуются ученые, соглашающиеся, что «власть всегда брала себе больше» и не оспаривающие то, что «государство обнаруживает себя как институт эксплуатации», но мы можем со всей

определенностью сказать, что достаточных объективных оснований у подобных мнений нет. И дело даже не в том, что эмпирические факты говорят скорее об обратном. Здесь можно вспомнить и об обычае потлача, распространенном практически у всех народов и об универсальном правиле первобытности «дающий выше берущего». Принципиально другое: чтобы иметь возможность говорить об «эксплуатации», надо не «согласиться в том», а доказать, что «власть всегда брала себе больше, чем ей причиталось», строго говоря, представить конкретные проверяемые расчеты. Прежде всего, необходимо рассчитать, сколько, собственно, «причитается» власти за «выполнение организационных функций». Только на базе таких расчетов может быть объективно установлена «неэквивалентность» обмена. Но и такое доказательство, даже если оно и было бы возможным не давало бы достаточных оснований для утверждений об «эксплуатации». «Эксплуатация» предполагает принудительность, «навязывание воли» и т.п., а посредством внешнего наблюдения далеко не всегда можно вынести объективное суждение о добровольности или недобровольности действий индивида А «сверхэквивалентно» воздающего индивиду Б за услуги по выполнению организационных функций. Заметим, кстати, что «неэквивалентный обмен», на постулировании которого построено понимание государства как института эксплуатации, есть просто превращенное наименование, «экономический аспект» *несправедливости*. Не что иное, как *справедливость* оказывается, таким образом, ключевым понятием концепций, утверждающих «эксплуататорскую» сущность государства. Так оценка казалось бы экономических отношений, опирающаяся *вроде бы* на некую объективность («неэквивалентный») оказывается, по существу своему, оценкой моральной, точнее

морализаторской, лишь мимикрирующей под объективную.

Все это общие рассуждения, а конкретно, система власти в ранних государствах, как показывают эмпирические исследования, была построена на сакральном основании, что делает, мягко говоря, маловероятными предположения о том, что управляемые и управляющие, «обмениваясь услугами», думали, прежде всего, об «эквивалентности» обмена. Тем более, что ни те, ни другие, наверняка не располагали объективным критерием определения таковой, да и не ставили во главу угла экономические отношения. Подобная постановка вопроса есть пример подстановки современного, именно либерального мышления, считающего объективными, действенными, в «конечном счете» только экономические факторы, на место традиционного. Следует отметить, что «услуги» власти по выполнению «организационных функций» не имеют и не могут иметь «эквивалента». Они, если угодно, «бесценны», ибо невыполнение организационных функций «эквивалентно» распаду общества. Вот это как раз можно *рассчитать* и резюмировать в виде уравнения: «общество» минус «исполнение организационных функций» = нулю.

Происхождение государства, на наш взгляд, может и должно быть понято, прежде всего, как процесс, своего рода континуум, а не как дискретное явление. Если «из ничего не бывает ничего», то можно предположить, что в рамках социальной организации любого, способного к развитию автономного общества содержится некий «зародыш» государственности. Логически и эмпирически обосновано предположение, что государство изначально не *надстраивается* над обществом, а возникает, *конституируется* в процессе развития, усложнения социальной организации и, соответственно, форм управления, власти в обществе. Гидденс говорит: «Как правило, государственные институты не развиваются на базе уже созданного более или менее неизменного «общества» [1, с. 343]. Исходя из этого, государство не

может быть понято и эмпирически найдено как нечто «приставленное» к обществу, как некое «аппаратное добавление» к социальной организации. Акцент должен быть сделан не на фиксации дискретных стадий (племя, вождество, суперсложное вождество, государство), которая в принципе не может быть избавлена от субъективизма, а на определении сущности государства, установлении имманентных обществу и индивиду оснований и факторов развития государственности.

Если государство является высшей формой властной организации, установления социального порядка в обществе в целом, *развивающейся* из низших форм, то можно вполне обоснованно предполагать, что власть в государстве, как и власть в родовом обществе, опирающаяся на культ предков, также имеет экстраутилитарно-ценностное, сакральное основание. Будучи логически оправданным, это предположение находит и весомое эмпирическое подтверждение в политантропологических исследованиях.

В качестве характерного примера приведем работу Н.Б. Кочаковой, специально посвященную осмыслению специфики раннего государства. Кочакова начинает с констатации: «...целый ряд исследователей показали, что путь через монополизацию функций общественного управления общинной верхушкой, то есть зарождение государства при отсутствии частной собственности на основное средство производства, является скорее нормой, чем исключением в доколониальной Африке» [6]. Далее она пишет: «Имея в виду специфику раннего государства, я бы, прежде всего, отметила такие присущие ему признаки, как сакральный характер власти правителя (подчеркнуто нами. – С.Г.) и редистрибуцию», – и еще, – «Легитимность власти в раннем государстве основана на сакральных

свойства правителя, на вере в его сверхъестественные способности обеспечить благоденствие страны и народа» [6].

Кочакова дает четкую и содержательную характеристику общих принципов социально-политического устройства раннего государства: «Первичной ячейкой государства был семейно-родовой коллектив, в который кроме живых включались и умершие, и нерожденные поколения. Таким группированиям принадлежали государственные посты, земельные угодья, право отправлять жреческие функции и т.п. В категориях и терминах родства выражались и отношения власти в процессе руководства и управления социальным организмом в целом. Сакральное государство (раннее государство), которое было по своей сущности не только политическим образованием, но и религиозно-культурной общностью (подчеркнуто нами. – С.Г.) предполагало сохранение в своей структуре кровнородственных объединений в качестве форм политической организации» [6, с. 162].

В этих суждениях принципиальное значение имеет, прежде всего, однозначная фиксация генетической связи семейно-родового коллектива и государства. Очень важно также указание на сущностную взаимосвязь религиозно-культурной и политической сфер жизни раннего государственного общества. Кочакова, как видим, считает понятия «раннее государство» и «сакральное государство» синонимами. В раннем государстве не только политическая жизнь, но и производственные, и распределительные отношения строились на сакральном основании: «сакральность и редистрибуция не просто связаны друг с другом. Они переплетены и взаимосвязаны», – даже, – «Война в ранних государствах Ойо, Дагомея, Бенин имела сакральный характер» [6, с. 159].

Весьма показательные общие данные об отношении к представителям верховной государственной власти в традиционном обществе приводит, ссылаясь на Х. Классена, Н. Крадин: «В целом

сакральный характер власти – типичная черта правителя предгосударственного и раннего государственного общества. Нидерландский антрополог Х. Классен проделал кросскультурный анализ структуры 21 раннего государства и выяснил, что в 18 из 19 случаев правитель обладал сверхъестественным статусом; в 17 из 19 случаев выступал посредником между миром людей и миром богов; в 5 из 18 случаев правитель раннего государства имел статус верховного жреца» [7].

Интересна в плане рассмотрения генетической связи государства и религиозно-культурной деятельности и концепция, разрабатываемая российским политантропологом П.Л. Белковым. Он считает, что государство как институт управления развитого общества находится в одном эволюционном ряду с инициацией как институтом управления в архаическом обществе. Показав, что инициация как опирающаяся на культ предков сакральная форма закрепления половозрастной иерархии есть всеобщее явление в примитивных обществах и важнейшее для них средство управления [8]. Белков далее пишет: «Характеризуя инициацию как средство управления первичной формации мы ставим инициацию в один эволюционный ряд с государством (подчеркнуто нами. – С.Г.) как средством управления вторичной формации» [8, с. 90]. И это, думается, вполне обоснованное утверждение. Ибо, если государство продукт эволюции средств управления, что трудно оспаривать как в логическом, так и в эмпирическом отношении, то надо либо согласиться с постановкой инициации и государства в один «эволюционный ряд», либо обосновать наличие и ведущую роль другого средства управления в примитивных обществах. Но на сегодня, эмпирическая база для таких построений отсутствует. В целом же,

анализируя весь «массив» полученных политантропологией эмпирических фактов и вытекающие из него выводы, можно сказать, что современная политантропология вполне подтверждает принципиальную мысль Гегеля о том, что «государство произошло из религии» [9].

Приведем еще несколько свидетельств из книги «Короли-чудотворцы» авторитетного французского историка М. Блока. Она имеет подзаголовок «Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии» и посвящена анализу средневековых документов по данной проблеме. По словам Блока, «германцы, как и все народы, находящиеся на сходной стадии развития, верили, что королевская власть священна», а «северные короли всегда оставались жрецами», и «сохранилось несколько англосаксонских королевских родословных: все они восходят к Вотану» [10]. Характеризуя восприятие верховной власти народом, Блок пишет: «Считалось, что истинно божественные короли обладают некоей властью над природой. Люди верили, что короли эти отвечают за порядок вещей (подчеркнуто нами. – С.Г.), и «Представление о сакральном и чудотворном характере королевской власти прошло через все Средневековье, нимало не утрачивая своей силы» [10, с. 128, 194].

В книге Блок уделяет много внимания описанию, распространенной в средневековых Англии и Франции, массовой веры в способность королей наложением рук исцелять некоторые болезни. Интересно в плане оценки самовосприятия представителей высшей власти следующее замечание Блока: «Для средневековых государей великодушное отношение к беднякам было четко осознаваемым нравственным долгом, который они исполняли не скупясь. Всякий, кому довелось просматривать расходные счета королевских домов, как во Франции, так и в Англии, знает, что милостыня занимает в них весьма значительное место» [10, с. 175]. В ранних

государствах сохранялся, как видим, идущий еще из первобытности стереотип поведения социально «старших» по отношению к социально «младшим». На наш взгляд, это обстоятельство не отменяет, конечно, абстрактной возможности говорить об «эксплуататорской» сущности ранних государств, но в качестве абстрактной такая возможность есть всегда и базирующиеся на ней суждения остаются поэтому за рамками науки. Что касается конкретных расчетов, то М. Блок как раз и показал, что имеется *документальная база* для отрицания «эксплуататорской природы» раннего государства. И это не говоря уже о том, что можно априори утверждать, что сведение *всего ансамбля общественных отношений* между управляющими и управляемыми в средневековом обществе к экономическим отношениям, «неэквивалентному обмену» и т.п. есть заведомая вульгаризация. Очевидно, например, что в ранних государствах следовало надежно обеспечить жизненно важную защиту населения от внешних нападений и от внутренних «асоциальных элементов», – разного рода наемных отрядов, разбойников, бродяг и т.п. И неясно, на чем основывается предположение, что купцы, ремесленники или крестьяне, как правило, не осознавали жизненной важности (для них) исполнения государственной властью этой функции. А между тем, именно такое предположение имманентно содержится в утверждении «эксплуататорской» сущности раннего государства. Можно, конечно, сказать еще (1000 лет спустя), что «власть брала себе больше, чем ей причиталось», но такие утверждения представляют собой только субъективные оценки и не имеют отношения к объективному знанию.

В целом же главной особенностью, определяющей характер взаимоотношений, управляющих и управляемых в ранних государствах

была общая вера в сакральный характер государственной власти. Именно эта религиозная вера была объективным важнейшим фактором, изначально формирующим отношение к государству и, соответственно, необходимым основанием для построения государственности.

Необходимо отметить также, что для действительно объективного анализа той роли, которую сыграли религиозные институты в становлении государственности, и значения религиозных факторов в восприятии государственной власти в раннегосударственных обществах, важно не упускать из виду одно принципиальное обстоятельство. Действительными, реальными причинами действий людей являются те причины, которые люди считают реальными. Если человек верит, что урожай, удачная охота, здоровье его и членов его семьи, в целом его жизнь и благополучие зависит от «воли предков», то, очевидно, что он будет делать все от него зависящее, чтобы обеспечить расположение этой воли. Как говорит Т. Парсонс, «существование концепций сверхъестественного порядка ставит вопрос о том типе действия, который должен иметь место по отношению к нему» [11]. Поскольку считается, что для благоволения предков необходимо исполнение определенных ритуалов, эти ритуалы будут исполняться и будут играть определяющую роль в организации всей социальной жизни родового общества.

Если люди верят в сакральность государственной власти и лично государя, то их «политическая деятельность», отношение к государству, будет определяться этой верой и последнее, поэтому, вполне сможет обходиться без «аппарата насилия». Для социальной науки не может представлять никакого интереса, *действительно ли* французские короли могли излечивать болезни наложением рук. Наличие массовой веры в это является документально установленным эмпирическим фактом. Соответственно, задача науки состоит не в

том, чтобы интерпретировать данный факт, как проявление «Невежества» и «отсталости», следствие «обмана» или, напротив, как свидетельство духовного богатства, чуткости и благородства, а в том, чтобы попытаться учесть и понять объективные следствия, которые вытекают из этого факта, то влияние, которое он оказывает на социальное поведение людей и, в частности, на их отношение к становлению и развитию государственности.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что объективное исследование происхождения государства показывает, что оно изначально имело сакральное основание, воспринималось как естественное начало, устроенная в соответствии с общими законами бытия, форма упорядочения социальной жизни. Это обстоятельство необходимо учитывать при разработке могущего претендовать на общезначимость концептуально-теоретического подхода к пониманию происхождения и сущности государства.

Литература

1. Гидденс, Э. Устроение общества / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2003. – С. 439.
2. Попов, В.А. Предисловие / В.А. Попов // Ранние формы социальной стратификации. – М.: Наука, Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. – С. 3.
3. Крадин, Н.Н. Вождество: Современное состояние и проблемы изучения / Н.Н. Крадин // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: РАН, 1995. – С. 50.
4. Годинер, Э.С. Политическая антропология о происхождении государства / Э.С. Годинер // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. – М.: Наука, 1991. – С. 51.
5. Белков, П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? / П.Л. Белков // Ранние формы политической организации: от

- первобытности к государственности. – М.: РАН, 1995. – С. 166.
6. Кочакова, Н.Б. Размышления по поводу раннего государства / Н.Б. Кочакова // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: РАН, 1995. – С. 154.
7. Крадин, Н.Н. Политическая антропология / Н.Н. Крадин. – М.: Ладомир, 2001. – С.106.
8. Белков, П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе / П.Л. Белков // Ранние формы социальной стратификации. – М.: Наука, Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. – С. 88–90.
9. Гегель, Г.В.Ф. Философия истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1993. – С. 100.
10. Блок, М. Короли-чудотворцы / М. Блок. – М.: Яз. рус. культуры, 1998. – С. 126–127.
11. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – С. 511.

Поступила в редакцию 1.07.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.